

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40
УДК 322:297(045)

Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе

А.В. Бритвин
РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Ислам суфийского толка укоренился в культуре и сознании многонационального населения Северо-Восточного Кавказа и, следовательно, является там наиболее традиционным. Современные взаимоотношения государства и религиозных объединений Северо-Кавказского региона обусловлены одновременными секуляризацией религиозной сферы и клерикализацией светской. Ряд региональных лидеров позиционируют себя как покровители тех или иных суфийских направлений, как и их оппоненты. Соответственно определенные религиозные организации приобретают административную и финансовую поддержку или, в случае противостояния с властью, лишаются юридического лица, как это произошло, например, с ингушским муфтиятом. В статье приведено обоснование актуального направления для развития законодательного урегулирования взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Северо-Кавказском регионе в сторону нивелирования политизации религии. В части методологии приведены историографический и структурно-функциональный анализ взаимосвязи ислама, светской идеологии и науки. Статья обосновывает определяющую роль исторического и культурного наследия ислама в формировании господствующей идеологии в северокавказском обществе. В связи с этим объясняется необходимость оптимизации соответствующего нормативно-правового регулирования. Ввиду того, что исламистские принципы обеспечивают условия по формированию псевдорелигиозных групп, в том числе по усилению воздействия религиозно-политического синкретизма, они представляют угрозу безопасности рассматриваемого региона. В эпоху нестабильности и общественных потрясений этнорелигиозные отношения выходят на первый план и становятся маркерами самых широких общественных страт. Разделение компетенций и сфер ответственности государства и религиозных объединений будет способствовать укреплению социально-общественной стабильности в регионе.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения; духовная безопасность; исламизм; правовое регулирование; религиозно-политический синкретизм; религия и наука; салафизм; тасаввуф; этнорелигиозные отношения

Для цитирования: Бритвин А.В. Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):30-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40

ORIGINAL PAPER

The Sufi Factor in the Politicization of Islam in the North-Eastern Caucasus

A.V. Britvin
RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

Sufi Islam has taken root in the culture and consciousness of the multinational population of the North-Eastern Caucasus and, therefore, is the most traditional there. Modern relations between the state and religious associations of the North Caucasus region are conditioned by the simultaneous secularization of the religious sphere and the clericalization of the secular one. A number of regional leaders position themselves as patrons of various Sufi movements, as do their opponents. Accordingly, certain religious organizations acquire administrative and financial support, or, in case of confrontation with the authorities, lose their legal entity, as happened, for example, with the Ingush muftiate. The article provides a rationale for the current direction for the development of legislative regulation of relations between the state and religious associations in the North Caucasus region in the direction of leveling the politicization of religion. The methodology provides a historiographical and structural-functional analysis of the relationship between Islam, secular ideology and science. The article substantiates the decisive role of the historical and cultural heritage of Islam in the formation of the dominant ideology in North Caucasian society. In this regard, the need to optimize the relevant regulatory framework

is explained. Due to the fact that Islamist principles provide conditions for the formation of pseudo-religious groups, including strengthening the impact of religious and political syncretism, they pose a threat to the security of the region under consideration. In an era of instability and social upheaval, ethno-religious relations come to the fore and become markers of the broadest social strata. The separation of competencies and responsibilities of the state and religious associations will contribute to strengthening social and social stability in the region.

Keywords: state-religious relations; spiritual security; islamism; legal regulation; religious and political syncretism; religion and science; salafism; tasawwuf; ethno-religious relations

For citation: Britvin A.V. The Sufi factor in the politicization of Islam in the North-Eastern Caucasus. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):30-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40

ВВЕДЕНИЕ

Создание братских отношений между разными этническими и религиозными группами на Северном Кавказе было важной задачей в течение всей истории России. Сегодня эта проблема остается актуальной и постоянно обсуждается в российском обществе. Проблема создания модели наиболее гармоничных взаимоотношений государства и религиозных объединений на Северо-Восточном Кавказе присутствовала в течение всего процесса развития региона.

Признание и уважение культур различных народов, живущих в разных частях нашей страны, способствует созданию благоприятных условий для дружественных отношений между различными этническими и религиозными группами в многонациональном российском обществе. Уникальное этнорелигиозное сочетание множества северокавказских народов представляет собой мировое достояние культур, традиций и религиозной исключительности. В профилактике межнациональных противоречий и внутренних территориальных трений важную роль играют традиционные религиозные организации. Религия на Кавказе на протяжении столетий играет важнейшую консолидирующую роль как средство самоидентификации, источник правовых, нравственных и общественных систем.

В современном секулярном обществе можно найти черты, связанные с духовной культурой, и напротив, религиозные особенности при определенных обстоятельствах взаимозависимы с этнической принадлежностью, а порой и неотделимы от нее. Религиозные идеи систематизируют вариации форм осмысления и модели мироустройства, раскрывающие смысл существования как отдельного индивида, так и всего общества. Индивидуальными особенностями в этнорелигиозном сознании северокавказского социума обладает концептуальная интерпретация взаимоотношений Творца и человека. Здесь сформировались аутентичные и уникальные

суфийские религиозные практики и институции. Религиозные идеи Кавказа можно изучать с разных точек зрения, но важно отметить, что взаимодействие между религиозными идеями и обществом является взаимообусловленным.

На Северо-Восточном Кавказе, в отличие от центральных регионов России, секуляризация не оказала значительного влияния на общество, что часто приводит к политизации религиозной сферы. Поэтому для сохранения стабильности страны необходимо уважать культуры и традиции всех народов, которые живут на ее территории. Принадлежность на Кавказе к определенному этносу и религиозной традиции является крайне важным аспектом социального бытия. Нравы, идеалы, мировоззрение и стремления каждой этнической группы — все имеет значение.

Ислам оказывает значительное влияние на различные сферы общества благодаря прямому взаимодействию с образовательной, воспитательной, культурной, нравственной и эстетической деятельностью. Поэтому он, собственно, выполняет на Кавказе более широкие функции, чем религия, и становится политической идеологией.

В нашем представлении, идеология — это система идей и убеждений, которая определяет уникальный облик социального сегмента, этнорелигиозной группы, политической партии, общественных организаций или движения. Идеология определяет замысел и намерения социально-экономического прогресса как отдельно взятого этносоциума, так и нации в целом. В то же время идеология часто ассоциируется с вульгарным взглядом на миропорядок.

Существует множество определений идеологии, и она исследуется в разных аспектах, таких как философский, экономический, исторический, религиозный и политический. Влияние идеологии на общество зависит от социального положения разных страт общества, однако эти взгляды могут противоречить объективной действительности.

Идеология взаимодействует с использованием этнического фактора в различных областях, таких как воспитание, просвещение, культура, эстетика и этика. Консолидация на основе этнической и национальной принадлежности является одной из главных форм консолидации нации [1].

Общество усваивает основные идеологические концепции через вульгаризированные стереотипы, отражающие взгляды наиболее широких слоев населения. Идеологические процессы обуславливают необходимость удовлетворения интересов целевых групп. Поэтому при решении социальных проблем важно учитывать не только материальные ценности, но и вопросы духовной безопасности: религиозные ценности, эмоциональное восприятие стереотипов, коллективное бессознательное и социальные статусы.

Историческое и культурное наследие ислама играет важную роль в формировании господствующей идеологии в кавказском обществе. Современные духовные управления мусульман России придерживаются установки уважения к национальной идентичности и объединяющей роли религии.

На Северном Кавказе религия используется для иерархизации общества. Религиозные и политические процессы взаимообусловлены, религиозная иерархия фактически включена в вертикаль власти. Поэтому исламистские принципы, обеспечивающие условия по формированию псевдорелигиозных групп, в том числе по усилению воздействия религиозно-политического синкретизма, представляют угрозу безопасности рассматриваемого региона. В этой связи, чтобы обеспечить социально-общественную стабильность на Северном Кавказе, необходимо создать оптимальные партнерские взаимоотношения между государством и религиозными объединениями при соблюдении конституционных принципов.

Религия и политическая наука ярко отражают психологические особенности кавказских этносов и их идеи. Демонстрируя влияние на политическую, социальную и образовательную сферы жизни Северо-Кавказского региона, современные взаимоотношения государства и религиозных объединений здесь обусловлены одновременным протеканием секуляризации религиозной сферы и клерикализации светской. Ряд региональных лидеров позиционируют себя как покровители тех или иных религиозных направлений, как

и их оппоненты. Соответственно определенные религиозные организации приобретают административную и финансовую поддержку или, в случае противостояния с властью, лишаются юридического лица, как это произошло с ингушским муфтиятом. В эпоху нестабильности и общественных потрясений этнорелигиозные отношения выходят на первый план и становятся маркерами самых широких общественных страт.

Так, вопросы утраты современной западной наукой моральной ориентации вызывают противопоставление науки и религии в исламском контексте, подвергается сомнению совместимость ислама с европейской наукой, светским обществом и их секулярно-научными основами.

Религия и политическая наука часто взаимосвязаны, их процессы влияют друг на друга. Религия включает в себя представления о Боге и человеке, этнорелигиозное сознание, религиозные ритуалы и институты. В социально-политических изменениях религиозные институты и теологические положения подвергаются изменениям.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Историко-политическая составляющая развития государственно-религиозных отношений в Северокавказском регионе представлена исследованиями В. В. Дегоева [2], М. М. Блиева [3], П. А. Зайончковского [4], В. А. Матвеева [5], А. И. Омарова [6], А. А. Тахо-Годи [7], С. С. Эсадзе [8], исследования по теме взаимодействия религии и политики в полиэтничных обществах отражены в работах В. А. Тишкова [9], А. В. Нуруллаева¹, М. С. Зинченко [10] и многих других.

Исследования по этнопсихологии показывают, что религия и политическая идеология взаимно влияют на этнические группы. Одновременно, этнические психологические особенности также могут влиять на религию и политику. Все эти отношения сложны и переплетены, их можно сравнить с гордиевым узлом. Однако разделение труда и формирование духовно-этических норм и менталитета могут помочь в упорядочении системы сохранения субэтносов.

Полярность науки и религии практически отсутствует на Кавказе. Однако имеет место быть традиционное исламское разделение на

---

¹ Нуруллаев А. В. Религия и политика: учебное пособие. М.: КМК, 2006; 330 с.

передаваемые и рациональные науки. Таким образом, в исламском мире вековая история передаваемых из поколения в поколение религиозных знаний и возможность утверждения новых положений с их последующим включением в традицию приняли форму конфликта между религией и наукой.

Касательно метода историзма следует отметить, что история науки в исламском интеллектуальном мире не является просто отчетом о революционных открытиях, а, в первую очередь, рассказом о конфликте двух противостоящих сил, экспансивной силе человеческого интеллекта, с одной стороны, и противоположной силе торможения, обусловленной традиционной верой.

Тезис о конфликте между религией и наукой оспаривался с начала XIX в. арабскими и турецкими учеными, которые отмечали, что в отличие от христианства ислам питал и продвигал науку. Они рассматривали этот идеологический конфликт как результат репрессивных практик Римско-католической церкви. В восприятии истории многими исламскими учеными характерна картина «идолопоклоннической» и «развращенной» истории Римско-католической церкви. Они видели в Османской империи не только маяк просвещения, но и спасения Европы, и подчеркивали рационализм, научную направленность, изобретательность и большие научные достижения ислама [11, р. 98–99].

ИСЛАМ В ДИАЛЕКТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Значительной политической силой, способной объединить этнорелигиозные группы под общим знаменем, начиная со времени своего появления стало мусульманское вероисповедание. Строгие социальные правила поведения соблюдали сторонники исламской веры начиная со времен пророка Мухаммада. В качестве уникальной социокультурной религиозной системы, строго контролирующей распределение ресурсов в обществе, но при этом регулирующей рынок и защищающей частную собственность, формировался ислам.

Ислам начал распространяться на Кавказе в VII–XI вв. через Дагестан, Чечню и затем на остальной Северный Кавказ, вытесняя христианство. В результате продолжительных трансформа-

ций ислам на Северо-Восточном Кавказе накопил уникальную национальную особенность [12].

В самодержавную эпоху российской государственности на законодательном уровне православно-вероучение доминировало по отношению к другим религиям и конфессиям, что в свою очередь ограничивало их адептов в некоторых правах и свободах, а также накладывало дополнительную ответственность. Иной вектор развития взаимоотношений между религиозными объединениями и государством получил со вступлением на престол императрицы самодержицы Всероссийской Екатерины II — государство взяло на себя обязанность защищать мусульманские святыни и религиозное вероучение.

В уникальном географическом месте, сочетающем западные и восточные особенности, включая различные религиозные традиции, на протяжении веков расположено российское государство. В то же время внутренняя государственная религиозная политика в Северо-Кавказском регионе исходя из обстоятельств и под давлением различных факторов изменялась иногда в значительной степени.

Государственная позиция по отношению к религии на Северо-Восточном Кавказе являлась частью общей внутренней политики государства, охватывающей все аспекты общества. Различные периоды в истории характеризовались разными особенностями в религиозной политике, которая была зачастую неоднозначной и непоследовательной. Ее корректировали и преобразовывали, учитывая ситуацию в регионе и внешние условия.

В историческом периоде Российской империи государственно-религиозные отношения прошли через ряд изменений. Взаимодействие в административно-правовой и религиозной сферах заменилось особым государственным патронатом религии. В первой половине XIX в. основной проблемой государственной политики было сближение горских народов и православных церквей. В целях регулирования северокавказской социальной сферы государственные судебные органы применяли как обычное, так и шариатское право после окончания почти полувековой Кавказской войны (1817–1864).

Социально-политическая обстановка в стране конца XIX — начала XX в. обусловила проведение либеральных реформ в вероисповедной сфере, результатом которых явилось учреждение Указа «Об укреплении начал веротерпимости»

от 17.04.1905. После Октябрьской революции 1917 г. были отменены уже все вероисповедные и национальные ограничения. Однако неспособность Временного правительства проводить государственную политику и кризис власти привели к активизации радикальных социалистических движений.

В период Советского Союза открытая атеистическая политика органов власти республик вызывала протесты среди северокавказского общества и порой приводила к конфликтам. Трансформации в религиозной сфере северокавказского общества в постсоветский период были динамичными и проблемными, особенно в связи с использованием религии деструктивными элементами для достижения политических целей.

Предпринятые советской политической системой меры по обеспечению благоприятных условий формирования принципиально нового государственного уклада путем прекращения деятельности духовных объединений стали стимулом к появлению вооруженных сопротивлений со стороны северокавказских народов, подавленных большим количеством жертв. Противостояние государственной власти со стороны горцев и образование подпольных религиозных организаций стали закономерными социальными процессами.

Повсеместными третейскими судебными разбирательствами на основе шариатского права характеризовался период восстановления после окончания Великой Отечественной войны, в результате чего укреплялся авторитет религиозных лидеров, а значимость идеологических установок традиционного кавказского ислама усиливалась.

Перестроечный курс политики общественной гласности, свободы совести и вероисповедания, реализуемый М. С. Горбачевым в конце прошлого столетия, обеспечил религиозные объединения широкими правами и свободами. В результате указанных новаций политической системы одной из популярных политических партий стала Исламская партия возрождения, распространение получили и другие общественные объединения в целях участия в политической жизни общества, созданные по этническому и религиозному принципам. В свою очередь государство было вынуждено установить запрет на формирование политических партий по нацио-

нальным и вероисповедным признакам путем принятия закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», который явился ключевой мерой по обеспечению единства российского гражданского общества в период политических и социальных потрясений.

В настоящее время уникальный религиозный портрет Северо-Восточного Кавказа представлен многочисленными суфийскими братствами — тарикатами, организованными по принципам и нормам шафиитского мазхаба суннитского направления в исламе. В социуме народов Республики Дагестан можно наблюдать последователей шазилийского, накшбандийского и кадирийского тарикатов, в Чеченской Республике — кадирийского. При этом мирно с суннитами в южной части Дагестана сосуществует шиитская община.

Кавказская война XIX столетия оставила неизгладимый след в сознании горского населения, важная роль религиозных и общественных лидеров того времени гарантировала им почет и уважение в обществе и в наши дни. Подвиг горского лидера Кунта-Хаджи Кишиева особенно ценится в Чеченской Республике, и посещение усыпальницы его матери — Хеди-зиярат считается одним из важных религиозных обрядов для чеченского народа.

Кунта-Хаджи Кишиев понимал трагические последствия для своего народа от противостояния горцев с царской Россией в развязанной имамом Шамилем Кавказской войне и стремился к деэскалации конфликта, чем вызвал у него гнев в свой адрес и многолетние преследования с его стороны [13, с. 565–580].

Согласно современному чеченскому философу В. Х. Акаеву, чеченцы имеют синкретическую этническую и религиозную идентичность, где они в первую очередь определяют себя как чеченцев, а затем как мусульман [14].

Перед приходом к власти А. А. Кадырова произошёл кризис в начале 1990-х гг., когда местные духовные лидеры суфийского направления в Чечне поддержали политические изменения, предпринятые Д. М. Дудаевым. Одновременно распространение ваххабитского (салафитского) течения, которое характеризуется созданием самоуправляемых территорий (джамаатов) на территориях Чеченской Республики и Северо-Западного Дагестана, стало массовым явлением. После того, как салафиты создали Духовный

центр мусульман в 1992 г., суфийские шейхи, осознавая возможную опасность, создали Духовное управление мусульман, главой которого стал шейх накшбандийского тариката М.Б. Арсанукаев. Салафиты стремились вернуться к обществу-политическому строю ранней мусульманской общины, что противоречило принятым традициям северокавказского общества.

26 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, и начался Чеченский кризис. В результате распада Чечено-Ингушской АССР произошла активизация незаконных вооруженных сепаратистских формирований. В ноябре 1992 г. силовые структуры предложили направить части российской армии, участвовавшие в разведении сторон осетино-ингушского конфликта, против сепаратистов, однако силовое решение было предотвращено и.о. председателя правительства Е.Т. Гайдаром.

Центральная власть не была готова к масштабной войне, и Новогодний штурм Грозного 1995 г. был неудачно спланирован. После больших потерь федеральных сил сепаратистские формирования были загнаны за Шалинский узел сопротивления и заблокированы в Аргунском ущелье. Хасавюртовские мирные соглашения не принесли успеха. Прогрела серия терактов в центральных регионах страны².

В 1995 г. произошел конфликт между последователями тарикатов и салафитами, который начался после того, как салафиты попытались разрушить зиярат Хеди Кишиевой — матери шейха Кунта-Хаджи Кишиева. В то же время салафиты также столкнулись с противостоянием местного населения в Дагестане, где они создали альтернативные государству структуры, организовав исламские патрули. Б.М. Кебедев в 1998 г. создал общественно-политическую организацию «Исламская шуга Дагестана» и военизированные отряды, составлявшие «Центральный фронт освобождения Дагестана» на основе джамаатов.

Ислам ваххабитского толка стал официальной идеологией самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия, возглавляемой Д.М. Дудаевым. Религиозно-политическая деятельность расширилась, в вооруженных формированиях было установлено шариатское правосудие, а также был организован институт «Кавказ» для

обучения государственных кадров. Ш.С. Басаев, М.С. Удугов и Б.М. Кебедев создали Конгресс народов Ичкерии и Дагестана с целью создания унитарного исламского государства.

На Северо-Восточном Кавказе происходил конфликт между представителями традиционного ислама и салафитами, что привело к созданию Координационного центра мусульман Северного Кавказа в 1998 г. и принятию Закона Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

История изменения государственно-религиозных отношений на Кавказе в разные исторические отрезки имела напряженный, и даже конфликтный характер. Этнорелигиозные проблемы становились лозунгами политических кризисов и локальных войн. В новейший период контртеррористические операции на Северо-Восточном Кавказе с середины 90-х гг. XX в. до середины 20-х гг. XXI в. возымели успех лишь в союзе с традиционными исламскими духовными управлениями, выступившими как против сепаратистов, так и за сохранение традиционных религиозных норм.

Современные ученые проявляют большой интерес к роли идеологии в установлении и изменении политических и социальных отношений, в особенности через радикальные политические методы. Конфликтологические модели в разрезе столкновения секуляризации, миграции и религиозных ценностей имеют комплексный, многовекторный характер [15, с. 173]. Кавказское общество характеризуется различиями и противоречиями в нуждах и ценностях, что может приводить к антагонизмам между группами, даже внутри одного направления.

Поэтому вопрос о будущем ислама и науки намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ряд современных научных открытий в физике, космологии, биологии и нейронауке кажутся несовместимыми с исламскими представлениями. Научная революция в области искусственного интеллекта также отчасти представляет опасность для онтологических и юридических убеждений шариата.

Современные продукты науки и технологий, в частности криптовалюты, для исламского права либо подразумевают запреты, либо корректировку в части обеспечения спекулятивной валюты реальным сырьем и соответствия иным нормам

² URL.: <https://iz.ru/news/305188?ysclid=177vidbv3g629846686>

исламского банкинга. Вопрос необходимости связи между исламом и современной наукой остается открытым. Исламские ученые выступают за то, чтобы продолжающееся научное развитие и его значительное влияние на каждый уровень повседневной жизни было контролируемым, а опасения мусульман относительно будущего ислама и науки проникают как в сферу науки, так и в социально-политическую. В случаях противоречия научной мысли догматам и постулатам Священного Писания и Предания некоторые духовные мусульманские лидеры призывают к ее корректировке и контролю.

Магометанское вероучение охватывает все без исключения стороны быта северокавказского социума, включая политическую, нормативно-правовую, социальную и иные сферы его деятельности. Традиционные исламские управления сотрудничают с Русской православной церковью и другими традиционными духовными управлениями в рамках уважительного диалога. Общественно-значимые решения исламских духовных управлений (фетвы) направлены на гармонизацию общественных отношений на самых разных уровнях социальной жизни.

Государственные деятели призваны обеспечивать цельное состояние государственной системы через координацию коммуникаций между субъектами и объектами взаимоотношений. Для этого используются системы сдержек и противовесов или формы противопоставления интересов, в которых религия играет важную роль.

Религиозные лидеры в России активно работают над межкультурным и межрелигиозным диалогом, воспитанием молодежи и укреплением моральных устоев. Они также стремятся расширить свое влияние среди мусульман разных регионов страны и активно обсуждают соответствующие социально-политические вопросы. Тем более, что ислам как религия неотделим от социально-политической доктрины, основанной на Коране и Сунне, которые являются источником законодательства.

Кавказский социум — это сложная саморазвивающаяся система, которая в результате воздействия духовных и материальных условий, влияя на межличностные, внутри- и межгрупповые, межэтнические отношения, восприимчива к трансформациям. Шариат регулирует все эти аспекты. Российские исламские управления

и суфийские проповедники используют разнообразные общественно-значимые постановления (фетвы) для обеспечения мирных и гармоничных общественных взаимоотношений на разных уровнях [16, с. 153-160].

Неравенство гражданского общества в сфере социального и экономического развития до настоящего времени составляет одну из ключевых проблем многих следующих исламским принципам регионов. Систему религиозных принципов, норм и положений, устанавливающую не только правила поведения в социуме, но и регулирующую взаимоотношения между верующим и его внутренним миром, составляет шариатское право. В Коране определяются основные принципы веры, включая единобожие и веру в посланников Бога, а нормы шариата основываются на Коране и Сунне. Соблюдение шариата является не только проявлением веры, но также отождествляет человека с уммой. Отступление от основных принципов ислама может привести к тому, что человек будет предан остракизму внутри кавказского общества.

Общей упрощенной точкой зрения на ислам стало противопоставление «официального» (традиционного) ислама, проповедуемого в основном суфизмом, и «террористического» салафизма, который представляет серьезную угрозу социальной и политической ситуации на Кавказе. Вместе с тем отсутствует какая-либо гомогенность внутри каждой из этих групп: суфизм охватывает разнообразный спектр братств, духовных практик и политических позиций; салафиты, воодушевленные мировыми исламскими организациями и движениями, за редким исключением принимают участие в экстремистской и террористической деятельности, идентифицируя себя как ваххабитов, ввиду чего эмигрируют или скрывают свою принадлежность. Наконец, есть сунниты, которые не поддерживают салафитов и не практикуют суфийские обряды. Это свидетельствует об амбивалентности ислама на Кавказе.

На Кавказе сформировался уникальный национальный характер, включающий в себя суфизм (тасаввуф) как главную черту северокавказского ислама. Он значительно отличается от традиционного ислама на Востоке. Ислам суфийского толка укоренился в культуре и сознании многонационального населения Кавказа и, следовательно, является наиболее традиционным.

ТАСАВВУФ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ УММЕ: ЕГО МЕСТО И РОЛЬ

Северо-Восточный Кавказ — это земля суфиев. Исторически суфийский ислам стал одним из первых проявлений ислама на Северном Кавказе. Однако, помимо суфизма, в северокавказском обществе также широко распространен суннитский ислам, основанный на школах имама Мухаммада аш-Шафии и Абу Ханифа. В отличие от традиционного понимания суфизма как исламского мистицизма, который предполагает следование ученика (мюрида) за наставником (муршидом), в суфизме Северного Кавказа акцент делается на духовных исканиях и саморазвитии. Те, кто практикует коллективные ритуальные танец и пение (зикр), называют себя членами братства, но не используют слово «суфизм». Зикр оказывается самым значительным элементом религиозной идентичности. Также на Кавказе есть местные особенности, такие как паломничества к захоронениям устазов (зияраты) в месяц Рамадан. Поэтому для практикующих зикр и зияраты салафиты становятся как бы игнорирующими личную связь с Богом [17, с. 128].

В регионе используются доктрины ислама как политические идеологемы для развития социально-политических установок. Традиционное коллективистское настроение общества, духовно-нравственные ориентации, включая тарикаты (суфийские ордены), вирды во главе с устазом (этнические союзы), тайпы (родовые объединения), тукхумы (союзы тайпов), советы алимов (ученых), ведущие клановые структуры, являются факторами политизации религии. Решения духовных управлений практически не подвержены критике. Важнейшим разногласием в регионе выступает позиция к этнокультурным адатам и фундаментальному шариату: «Совершение вирда вовремя — обязанность... Если мюрид оставляет свой вирд, то он бездельник и лентяй» [18, с. 302].

Формирование прочных духовных убеждений, ценностных ориентаций и их успешное применение в быту показывает эффективность исторического развития мусульманской веры. Основу взаимного уважения, конструктивного диалога и взаимодействия между мусульманскими религиозными лидерами и последователями иных традиционных вероисповеданий составляют соответствующие нормы Священного Писания.

Однако, несмотря на проводимые мероприятия борьбы с исламистским экстремизмом, эффективных способов противодействия до настоящего времени ему не найдено, а использование только силовых методов приводит лишь к замене одних террористов на других и продолжению противостояния³.

Исламисты стремятся вести борьбу с глобальным секуляризованным обществом. Но очевидно, что эти иллюзорные «сверхцели» невыполнимы и утопичны [19, с. 35-42]. Исламисты считают, что правительство должно консультироваться со специальным советом (шурой) при принятии политических решений. При этом представители власти не должны иметь особых привилегий в получении материальных благ и следовать религиозному закону, иначе они будут немедленно смещены со своих постов. Исламизм выступает против шейхов и устазов, которые, по их мнению, связаны с коррумпированной властью [20, с. 21, 137].

Так, в сентябре 2009 г. в ходе рабочего визита в г. Ставрополь о причинах религиозно-политического сепаратизма подчеркнуто выразил свое мнение Д. А. Медведев: «Условия для развития бандитизма, религиозного экстремизма были созданы в результате распада государства, корни — в устройстве нашей жизни, в безработице, бедности, в кланах, которым плевать на народ, которые только и делят денежные потоки, приходящие сюда, борются за заказы, а потом друг с другом сводят счеты, и в коррупции, которая, действительно, получила очень широкое распространение в правоохранительных органах»⁴.

Война между Россией и Грузией в 2008 г., которая привела к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, сильно повлияла на мнение Запада о российской угрозе. Грузия стремилась получить исключительную поддержку от Запада и подписала Соглашение об ассоциации с ЕС в 2014 г., которое должно осуществляться на всей территории страны, включая потерянные войной территории. В то же время сформировались точки соприкосновения во внешней политике в связи со сменой политического руководства в Грузии и арестом бывшего грузинского президента М. Н. Саакашвили в 2021 г.

³ Семедов С. А., Лаза В. Д. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современном мире: учебное пособие. М.: РАНХиГС; 2020. 143 с.

⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5236>

Концепция государственной политики России в сфере международного развития направлена на помощь соседним странам и партнерам в социально-экономическом развитии с учетом устава ООН и в рамках концепции коллективной безопасности. Однако в результате Второй Карабахской войны Армения и Азербайджан стали одними из наиболее милитаризованных стран в мире. Соседние страны Южного Кавказа рассматривают конфликты в регионе как способ восстановления своего суверенитета над спорными территориями, и это приводит к угрозам безопасности и напряженности в массовом сознании населения. В свою очередь, Турция использует мягкую силу, чтобы укрепить свои политические позиции в регионе, и продолжает расширять свое влияние на суверенные территории России после успешного участия в Карабахском конфликте 2020 г.

Турция придерживается неоосманского имперского ревизионизма, который стремится поддерживать и развивать культурные связи на Большом Кавказе, рассматривая его как часть бывшей Османской империи. Для турецкой дипломатии государственные границы имеют меньшее значение, чем восстановление влияния на исторических землях. В рамках этой идеологии Турция также продвигает концепцию Великого Турана — единого государства для всех этнических тюркских народов. Турецкая сторона также пытается изменить культурный и социальный облик региона и помогает различным оппозиционерам, а также ищет лидеров общественного мнения, готовых сотрудничать с Анкарой.

К примеру, суфийский джамаат Эренкёй, действующий в Турции в политическом союзе с правящей Партией справедливости и развития и возглавляемый О.Н. Топбаш, представлен в России местными религиозными организациями, образовательными теологическими учреждениями и специализированными фондами.

Турция позиционирует себя как основное государство, защищающее интересы мусульман во всем мире. Имеются основания говорить о пропаганде создания теократического пантюркистского государственного образования, в состав которого должны войти регионы, населенные тюркоязычным населением. Таким образом, внешняя политика Турции в регионе свидетельствует о ее прямых стратегических интересах на Кавказе.

ВЫВОДЫ

Активизация конфликта на Донбассе, Херсонщине и Запорожье в 2022 г. усилила международную напряженность и привела к сокращению сотрудничества с Турцией и странами Закавказья на основе взаимных интересов. В то же время современное взаимодействие государства и религиозных объединений приводит к сращиванию государственных и религиозных институтов — религиозно-политическому синкретизму.

Законодательство России не предусматривает реализацию политических функций у религии и религиозных организаций. Влияние религиозного сознания и религиозных объединений, религиозных мотивов публичного поведения возрастает в сфере политических отношений: 1) как реакция на запреты и ограничения свободы вероисповедания; 2) как реакция на попытки давления в отношении религиозных авторитетов и лидеров; 3) как реакция на ошибки в поведении и высказываниях должностных лиц государства, искажающие реальную позицию государства в отношении конфессий.

Поэтому необходимо фактически разделить компетенции и сферы ответственности государства и религиозных объединений. Модель взаимоотношений должна быть направлена на укрепление социально-общественной стабильности в регионе. Это может быть достигнуто путем обеспечения равного уровня поддержки различных религиозных организаций в социальной и культурной сферах, включая меры федеральных и региональных программ, что также поможет предотвратить политизацию религиозной сферы и возможные конфликты на этнорелигиозной почве.

В этих целях достижение наилучших отношений между государством и религиозными объединениями возможно при гарантировании принципа субвенции в вероисповедной отрасли, что в свою очередь означает обеспечение вне зависимости от политических тенденций соблюдения конституционных принципов основных прав человека и гражданина на свободу выбора своей веры и убеждений, фактического отделения государства и религиозных объединений, четкого разделения их компетенций, включая отсутствие вмешательства государства в дела религии, равноудаленности религиозных объединений от государства и идентичного характера их правосубъектности [21].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боков Х.Х., Алексеев С.В. Российская идея и национальная идеология народов России. М.: ИПО Профиздат; 1996. 96 с.
2. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама; 2003. 510 с.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война (1817–1864 гг.). М.: ТОО «Росет»; 1994. 591 с.
4. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М.: Мысль; 1970. 442 с.
5. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Ростов н/Д: Кубанское отделение «Русского исторического общества»; 2004. 64 с.
6. Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX — начале XX века. Махачкала: Алеф; 2014. 329 с.
7. Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский научно-исследовательский институт; 1927. 236 с.
8. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис: типография «Гуттенберг»; 1907. 246 с.
9. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир; 1997. 528 с.
10. Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на материалах Северного Кавказа). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет; 2010. 198 с.
11. Draper J.W. History of the conflict between religion and science. New York: University of Minnesota; 1874. 411 p.
12. Малашенко А.В. Северный Кавказ: исламский фактор. *Свободная мысль — XXI*. 2001;(9):6–22.
13. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН; 2000. 584 с.
14. Акаев В.Х. Исламское возрождение в Чеченской Республике. Грозный: Грозненский рабочий; 2011. 48 с.
15. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ Росинформагротех; 2010. 264 с.
16. Эскерханов Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: специальность. Грозный: Чеченский государственный университет; 2011. 185 с.
17. Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука; 1991. 315 с.
18. Мухаммад Ю.Х. Тарикат в свете Корана и Сунны. М.: Ансар; 2012. 480 с.
19. Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015;(1):93–102.
20. Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов современной России. М.: Изд-во РАГС; 2008. 246 с.
21. Бритвин А.В., Козлов М.В. Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2022;42:42–50. DOI 10.26516/2073-3380.2022.42.42

REFERENCES

1. Bokov Kh. Kh., Alexeev S. V. Russian idea and national ideology of the peoples of Russia. Moscow: IPO Profizdat; 1996. 96 p. (In Russ.).
2. Degoev V. V. The Great game in the Caucasus: History and modernity. Moscow: Russkaya Panorama; 2003. 510 p. (In Russ.).
3. Bliiev M. M., Degoev V. V. Caucasian War (1817-1864). Moscow: TOO "Roset"; 1994. 591 p. (In Russ.).
4. Zaionchkovsky P. A. Russian autocracy at the end of the 19th century: Political reaction of the 1880s — early 1890s. Moscow: Mysl; 1970. 442 p. (In Russ.).
5. Matveev V. A. Russian Islam in the North Caucasus: Historical aspects of the problem. Rostov-on-Don: Kuban Branch of the Russian Historical Society; 2004. 64 p. (In Russ.).
6. Omarov A. I. Russia's Policy in the North-East Caucasus in the 19th — early 20th century. Makhachkala: Alef; 2014. 329 p. (In Russ.).
7. Takho-Godi A. A. Revolution and counter-revolution in Dagestan. Makhachkala: Dagestan Scientific Research Institute; 1927. 236 p. (In Russ.).

8. Esadze S. S. Historical note on the governance of the Caucasus. Vol. 2. Tiflis: tipografiya "Guttenberg"; 1907. 246 p. (In Russ.).
9. Tishkov V. A. Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia. Moscow: Russkiy Mir; 1997. 528 p. (In Russ.).
10. Zinchenko M. S. Politicization of Islam as a factor in the contemporary political process (based on materials from the North Caucasus): Dissertation thesis in political science. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University; 2010. 198 p. (In Russ.).
11. Draper J. W. History of the conflict between religion and science. New York: University of Minnesota; 1874. 411 p.
12. Malashenko A. V. North Caucasus: Islamic factor. *Svobodnaja mysl' — XXI = Free Thought — XXI*. 2001;(9):6–22. (In Russ.).
13. Pokrovsky N. I. Caucasian wars and Imamate of Shamil. Moscow: ROSSPEN; 2000. 584 p. (In Russ.).
14. Akaev V. Kh. Islamic revival in the Chechen Republic. Grozny: Groznenskii rabochii; 2011. 48 p. (In Russ.).
15. Astvatsaturova M. A., Tishkov V. A., Khoperskaya L. L. Conflictological models and conflict monitoring in the North Caucasus Region. Moscow: FGNU Rosinformagrotech; 2010. 264 p. (In Russ.).
16. Eskerkhanov G. L. Sufism in the North-East Caucasus: Origin, ideology, practice: Dissertation thesis in philosophy. Grozny: Chechen State University; 2011. 185 p. (In Russ.).
17. Miloslavsky G. V., Petrosyan Yu. A., Piotrovsky M. B., Prozorovsky S. M. Islam: Encyclopedic dictionary. Moscow: Nauka; 1991. 315 p. (In Russ.).
18. Muhammad Yu. Kh. Tariqat in the light of the Quran and Sunnah. Moscow: Ansar; 2012. 480 p. (In Russ.).
19. Mchedlova M. M. Islam and the unity of Russian society: Modernity and historical experience. *Islam v sovremenno m mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty = Islam in the Modern World: Intrastate and International Political Aspects*. 2015;(1):93–102. (In Russ.).
20. Bashirov L. A. Islam in the context of ethno-political processes in modern Russia. Moscow: Publishing House of RAGS; 2008. 246 p. (In Russ.).
21. Britvin A. V., Kozlov M. V. Ideological foundations of ethno-confessional policy in the North Caucasus and the syncretization of Islam. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Politologija. Religiovedenie" = Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*. 2022;42:42–50. (In Russ.). DOI 10.26516/2073-3380.2022.42.42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Валентинович Бритвин — магистр государственного управления, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

Aleksey V. Britvin — Master of Public Administration, Postgraduate, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

britvin.av-post@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2024; принята к публикации 9.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.08.2024; accepted for publication on 9.12.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.